

- [протоиерей Григорий Смирнов-Платонов](#)

- [Примечания](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

протоиерей Григорий Смирнов-Платонов

протоиерей Григорий Смирнов-Платонов Русский перевод Библии

Наступает время, когда духовное, религиозно — нравственное образование русского народа, согласное с началами православия, должно получить большую глубину и полноту, большую силу и сознательность и сделаться действительной основой общей народной жизни. Случайные уклонения в направлении религиозного духа, которые появлялись по причинам внутренним или вследствие внешних влияний, чуждых православию, такие уклонения с течением времени должны слабеть и уступать силе общего правильного духовного образования, управляемого теми животворными началами христианства, которые в чистоте сохранены православием. Так как с исторической и догматико — сравнительной точки зрения православию неотъемлемо принадлежит заслуга верного хранения вселенской истины христианства, нарушенной односторонностью инославных вероисповеданий, то нет сомнения и в том, чтобы христианская истина, для которой

православие в течение веков служило охраною, не проявилась в будущем всеми положительными чертами, какими способна проявляться истина в ее отношении к действительной жизни. Но говоря о предстоящем русскому народу преуспейнии на поприще духовного образования, мы разумеем *общенародную* духовную жизнь. Все равно, и образованные и простые, имеют нужду в большей твердости, в большей отчетливости религиозных понятий и убеждений, в более живом усвоении духовных начал, необходимых для жизни. Не для простого только народа в его будущем новом положении предстоит потребность религиозно-нравственного воспитания. Та же потребность, с не меньшею силою, представляется насущною потребностью и для так называемого образованного общества, сознающего у себя недостаток положительного религиозного образования, а между тем по самому своему положению имеющего влияние на жизнь народную. Таким образом, общее и важнейшее дело для русского народа, долженствующее иметь прямое действие на всю народную жизнь в ее современном положении и будущих судьбах, есть дело духовного, религиозно-нравственного образования.

Без сомнения, чтение священных книг с более легким и близким к истине разумением, будет лучшею живою школою духовного образования, равно доступною для всех. В этом убеждении «Православное Обозрение» считает долгом своим сообщить читателям известие о переводе священных книг на русский язык, предпринятым по распоряжению Святейшего Синода. Это великое дело мало известно в общества. Содействовать распространению его известности и объяснить по возможности значение предпринятого труда — вот цель нашего известия.

В 1856 году, в благословенные дни священного коронования Благочестивейшего Государя Императора Александра Николаевича (когда в Москву вместе с членами Св. Синода имели случай собраться и другие иерархи русской церкви) священный собор входил в рассуждение о доставлении православному народу способа читать Священное Писание, для домашнего назидания, с удобнейшим по возможности разумением, и потом, с Высочайшего соизволения, приняты для сего деятельные меры. Нельзя не заметить, что мысль о религиозно-нравственном образовании народа, выраженная и в достопамятном манифесте 19 февраля 1856 года,

предшествует всем другим мерам, предпринятым с того времени для успехов общенародной жизни.

По распоряжению Святейшего Синода, все отечественные духовные академии: С.-Петербургская, Московская, Киевская и Казанская, и служащие в них, в качестве представителей духовной науки в России, призваны к многозначительному делу переложения священных книг на русский язык.

Чтобы объяснить значение и характер предпринятого перевода, нужно обратить внимание на то, что дело должно идти не об одной замене слов, выражений и форм древнего церковно-славянского языка другими словами, выражениями и формами русского языка в современном его состоянии, но и об установлении такого текста или чтения священно-библейских книг, которое бы облегчало православному народу разумение Слова Божия.

Вопрос о тексте священных книг касается не столько Нового Завета, написанного на греческом языке, сколько и главным образом книг ветхозаветных, которые сохранились на еврейском языке и на греческом — в древнем переводе 70 толковников.

Известно, что тексты еврейских и греческих 70 толковников, с которых переложена славянская Библия, имеют некоторые разности между собою. С какого же текста должен быть сделан перевод священных книг на русский язык? И здесь-то важны те руководительные начала и правила, которые соблюдает наша церковь в рассуждении Священного Писания, отрицая и крайность римско-католичества, запрещающего мирянам читать Библию, и крайность протестантства, оставляющего христианина без твердой церковной опоры в разумении Слова Божия. Образец таких руководительных начал можно видеть в замечательной статье члена Святейшего Синода, московского Архипастыря: «О догматическом достоинстве и охранительном употреблении греческих семидесяти толковников и славянского перевода Священного Писания», из которой заимствовано нами выше приведенное известие.¹

Есть много важных оснований, по которым текст еврейский, особенно в том виде, в каком можно иметь его в изданиях новейшего времени, стоит положительно ниже греческого текста. В дошедшем до нас еврейском тексте есть утраты некоторых стихов и слов еврейского подлинника, повреждения, интерполяции, не только невольные, свойственные манускриптам, но и намеренные со стороны древних врагов христианства. Священные писатели Нового Завета во многих случаях держатся ближе греческого текста, нежели еврейского. Немалую важность имеет и то обстоятельство, что в церковном употреблении с первых веков христианства, и преимущественно в православной восточной церкви, всегда оставался греческий текст.

С другой же стороны и уважение к греческому тексту никак не может быть исключительным. Потребность ясности во многих случаях может быть удовлетворена необходимым сличением текста греческого с еврейским. Еще в древние времена в церкви предпринимались труды исправления греческого текста по еврейскому: таковы были в III веке труды св. мученика Лукьяна, который для последующих времен «оставил не только пример, но и потребность возобновлять работу, им произведенную и после него утраченную». Во все времена текст еврейский остается в употреблении между отцами и учителями церкви, и «вселенская церковь (см. ту же статью) ни на каком соборе, ни чрез кого из св. отцов не изрекла такого правила, чтобы в изъяснении Священного Писания держаться исключительно текста семидесяти толковников, с устранением текста еврейского».

Общий вывод касательно значения оригинальных текстов еврейского и греческого состоит в том, что и тот и другой имеет свое относительное достоинство, но что ни тот, ни другой не удерживает за собою исключительного права на уважение богослова православной церкви. Этот вывод будет для нас яснее, если примем во внимание, что текст вообще есть *буква писания* — та буква, которая в течение тысячелетий при всех переворотах, внутренних и внешних, не могла

сохраниться в ее неизменном однообразии. Образовавшиеся разные чтения (варианты) в разных манускриптах одного и того же текста при обилии древних переводов, между которыми известны халдейский, арабский, сирский (пешито), самаритянский, латинский (вульгата), еще более усиливают различие в переводах священных книг на новые народные языки.

Есть, по-видимому, средство находить подлинный вид манускриптов: это ученая критика. Но нельзя не признать, что иностранная библейская критика привязана к букве священных книг и, по-видимому, ничем не предзанятая, она, однако же, большею частью не из самых книг выносит восстановление текста и внутреннего их смысла, а бессознательно или сознательно подчинена началам исследования, отнюдь привносимым. Средние выводы сравнительного критического изучения священных манускриптов, привязанного к букве, конечно имеют свой интерес, но еще не могут быть признаны за достаточное выражение библейской истины, тем более, что открытие древних списков, доселе не прекратившееся, предполагает непрерывную работу критики в будущем: так недавнее открытие Тишендорфа не замедлит изменить некоторые построения, прежде сделанные критиками.²

Без сомнения, будет оказано надлежащее внимание к трудам иностранных критиков, достаточно известным в наших духовных академиях. Тем не менее вопрос — в каком отношении к существующим текстам священных книг должно находиться переложение их на русский язык? — этот вопрос может получить прямой ответ только тогда, когда мы оценим все преимущество внутреннего положения нашей церкви, верной духу вселенской истины христианства, не связавшей себя односторонностью крайних направлений. *Дух животворит* — вот животворное начало, дышащее в Церкви Вселенской от ее начала и донныне, выражающееся во всех важнейших внутренних явлениях церковной жизни. Мы разумеем дух вселенской истины, явленной христианством, хранящийся не во внешнем только предании церковном, но в живом преемстве зиждительного начала, непрерывно живущего в целом обществе церковном, так что лучшие творения отцов церкви только выражают этот дух в словесных произведениях. Творения св. отцов православная церковь вообще рассматривает и ценит не по букве, а по выражению преемственного, вселенского духа истины христианской, по мере глубины и полноты, с какою выражается в них уже вступившая в сознание и жизнь христианская истина. Уважительное и в то же время самобытно — живое отношение к творениям отцов церкви характеризует православного богослова. Итак, преемство вселенской истины христианства, непрерывно живущей в церкви — вот начало духа, неведомое иностранной библейской критике, но составляющее необходимое условие к верному употреблению существующих текстов Священного Писания.

Сказанное нами довольно открывает многосложные трудности и великую важность дела, предпринятого у нас по переложению Библии на русский язык. Всякое частное предприятие, основанное только на выводах иностранной библейской критики, лишено самых существенных условий к тому, чтобы приблизиться к библейской истине. Оно могло бы произвести такой перевод, который остался бы тем же заграничным явлением, или сводом разнородных результатов ученой критики: будет ли такой перевод изложен на каком-либо иностранном новом языке, или даже на русском, — язык сам по себе не изменит существа дела.

Перевод, исключительно основанный на изысканиях новейших ученых, стал бы в невыгодное положение в рассуждении верности смысла: он может выигрывать только в ясности. Но ясность не одно и то же с верностью: « может случиться, что неясный текст есть верный, а ясный есть только догадочный, или совсем погрешительный ». Требование ясности обращает нас от оригинальных текстов к значению собственно перевода священных книг на русский язык.

Всякий, требуя ясности, судит об языке по своему отношению к языку и забывает те разнообразные отношения к одному и тому же языку, какие свойственны разным массам

народа, забывает то условное состояние языка, которое определяется данным положением времени: не говорим уже о тех уклонениях языка, в какие оно может впасть вследствие случайных и чуждых влияний, хотя бы и способствовавших в известных случаях его ясности. Нет сомнения, что правильность и народность языка должна исходить из древних коренных его стихий: в древних стихиях должен почерпать современный язык свою силу, свою верность и чистоту. Мы уверены, что наша мысль будет согласна со строгими требованиями языковедения. Достоинство языка в лучших произведениях русской литературы, стихотворных и прозаических, основано на органической связи их с историческими преданиями языка. Тем более надобно требовать строгой верности языка его древним стихиям в таком труде, каков труд переложения священных книг на современный русский язык. Понятные, освященные древним употреблением языка слова, каковы например: *Господь, скиния, завет, псалтирь, пророк, апостол, вечеря, и т. п.* должны быть хранимы, как священное наследие, близкое народу и по языку и по вере. Перевод, отступающей от древних стихий языка, сколько бы ни был ясен и даже изящен, может быть не принят народом, большинство которого хранит язык, как народную святыню и найдет подобный перевод чуждым себе.

Сказанное нами в известной мере относится ко всякому живому языку. Но мы должны обратить внимание на особенные условия русского языка. Потребность переложения священных книг именно на русский язык обращает нашу мысль к древнему состоянию отечественного языка и значению славянских переводов священных книг в древней России. Нужды особого перевода Священного Писания на язык, находившийся в народном употреблении в древней России не существовало: славянский перевод священных книг, известный в церковном употреблении по своему языку был общепонятным. Доколе меньшая часть русского народа, по ходу новой истории, не отделилась от общей связи с народом и не обратилась на новые пути образования, не могло возникнуть никаких недоразумений относительно языка. Однородность основ воспитания и жизни, понятий и языка облегчала для церкви труд следить за общевразумительностью славянского текста, не стесняясь нарочитою заботою о языке. Исследования настоящего времени, посвященный разбор древних славянских библейских списков, именно показывают непрерывную заботу отечественной церкви о приведении текста священных книг в такой вид, который бы наиболее удовлетворял общенародным потребностям³. От первоначального перевода священных книг на славянский язык, с XI века по всем векам идет ряд славянских библейских переводов как Ветхого, так и Нового Завета, в которых исправление текста, с целью сделать его общевразумительным и наиболее верным, не прекращается до позднейшего времени. Из той же потребности удобнейшего и вернейшего уразумения священных книг происходило и обширное употребление в древней России так называемых *толковых* библейских списков, т. е. таких, в которых наряду с библейским текстом излагаются объяснения отцов церкви. Что касается в частности исправления славянского текста, то нельзя не упомянуть о труде св. Алексия митрополита московского, который старался восстановить более правильное чтение по древним греческим кодексам. Ученый Гризбах упоминает об этом исправлении в своем обширном предисловии к изданию Нового Завета на греческом языке, как о тщательнейшем переводе славянского текста⁴. Памятником этого труда остался Новый Завет, писанный собственною рукою святителя и хранящейся в московском Чудове монастыре. При первом печатном издании полного славянского перевода Библии князем К. Острожским, список, посланный царем Иоанном Васильевичем, был подвергнут издателями новому пересмотру, и более или менее исправлен самый текст перевода. При императоре Петре I-м (1712 г.) вновь предпринят пересмотр славянского текста Библии под руководством Феофилакта Лопатинского и Софрония Лихуда. Исправители того времени, не ограничиваясь греческим текстом, имели в виду и еврейский, разные древние переводы, латинский перевод (вульгата),

пользовались по местам и теми пособиями, какие находили в творениях древних отцов и писателей церковных⁵. Это исправление продолжалось до 1724 г. В царствование императрицы Елисаветы Петровны пересмотр текста возобновлен под надзором Варлаама Лашцевского и Якова Блонецкого: правленный ими текст, сверенный со многими древними кодексами и даже с переводами некоторых славянских народов, хранится в библиотеке моск. синодальной типографии⁶. Этот текст, исправление которого началось с 1743 г., окончательно исправлен и напечатан в 1751 году. Таким образом дело переложения священных книг, наиболее верного библейской истине с одной стороны и требованию общевразумительности с другой, продолжает быть непрерывным делом церкви, удобным тем более, чем более однородности в рассуждении языка представлял народ. Славянский перевод, приводимый трудами исправителей в лучший вид, оставался в одно и то же время и в церковном и в домашнем употреблении.

Когда возник вопрос о невразумительности собственно языка славянского перевода? Без сомнений после того времени, когда общность духовной жизни русского народа более или менее нарушилась устремлением меньшинства на новый путь западно-европейского образования и когда, вследствие разных обстоятельств русской жизни, церковно-славянский язык время от времени становился для многих маловразумительными. Для отечественной церкви открылось новое дело: оставляя в церковном употреблении славянский перевод священных книг, как связь предания с нашим прошедшим и как современную связь с единоверными нам славянскими братьями, она призывалась на дело переложения Библии на русский язык для домашнего употребления. Дело это с течением времени более и более озабочивало просвещенных ревнителей Слова Божия. В 1813 году было учреждено особое Общество для сообщения и распространения на общеупотребительном языке священных книг, известное под именем Российского Библейского Общества. В 1819 году в первый раз было издано по-русски четвероевангелие, в 1820 г. Евангелие и Деяния апостольские, в 1823 году весь Новый Завет. Из книг Ветхого Завета в 1822 г. напечатана псалтирь; в том же году предпринят был перевод пятикнижия Моисеева и следующих книг по порядку. В 1824 г. начато было печатание перевода ветхозаветных книг и доведено до книг Царств. Дело было остановлено для обнародования, но продолжало созревать внутри высших духовно-учебных заведений, где введенное в учебный курс чтение и толкование Св. Писания непрерывно приготавливало деятелей, которым ныне открывается поприще. И вот деятельность, совершавшаяся внутри, призывается к обнаружению и приложению на общую пользу.

Изложенные нами замечания дают возможность составить правильное понятие о характере труда, порученного Святейшим Синодом духовным академиям.

Так как цель перевода состоит в том, чтобы удовлетворить потребность общевразумительности, то внутреннее значение библейского текста в новом переложении естественно предполагает тесную связь разумения с духом древней вселенской церкви, а достоинство самого перевода должно определяться степенью верности его древним стихиям отечественного языка. Сохранить священную связь живых преданий веры — вот первое условие правильности перевода в рассуждении смысла священных книг. Этому условию необходимо сопутствует другое — верность живым преданиям языка, от которой зависит достоинство перевода. Нет сомнения, что переложение священных книг на общевразумительный русский язык есть труд великий, как по многосложности потребного для него изучения и приготовления, так и по обширности его влияния на духовную жизнь народа.

Назначением предпринятого перевода для домашнего употребления облегчается предприятие в том отношении, что отдельные переводы священных книг, именно книг Ветхого Завета, могут появляться предварительно в виде опытов, и обращая на себя внимание отечественных богословов, обогащаться многоразличными замечаниями, которые могут быть с

пользою приняты в соображение при последующем общем издании священных книг в русском переводе. Подобные опыты начинают появляться: так недавно вышла на русском языке книга Премудрости Иисуса сына Сирахова⁷. Ряд подобных опытов сблизит труды наших богословов и несомненно вызовет печатные и письменные замечания, важные для общей редакции перевода.

Что касается издания священных книг в новом переводе, то издание в общей целости книг новозаветных без сомнения должно предшествовать общему изданию Ветхого Завета. Безусловная важность и особенная близость Евангелия и писаний Апостольских к общим, самым существенным потребностям христианской жизни, без объяснений понятна каждому. Переводы новозаветных книг особенно занимают в настоящее время деятельность наших духовных академий и самого Святейшего Синода, и есть надежда, что сыны православной церкви скоро будут иметь Новый Завет для домашнего чтения на близком к современной речи языке. Надобно желать, чтобы он был доступен для большинства народа и по цене своей и по удобствам приобретать его *не из дальних мест*.

Примечания

Эта статья была напечатана в Прибавл. к Твор. Св. Отцев в рус. пер. за 1858 г., кн. III .

О древнейшем списке Библии, найденном Тишендорфом, были краткие известия в наших газетах. В одной из ближайших книжек мы постараемся представить нашим читателям статью по поводу этого открытия. *Ред.*

Таковы общие выводы, до которых дошли в своих исследованиях по части славянских библейских рукописей гг, процессоры А. В. Горский и К. И. Невоструев. (Описание слав. рукописей Моск. Синодальной Б-ки. М.1885 , отд. 1, см. введение стр. V, VI, IX, XII .

N. T. Graece, D. Griesbach, vol. 1. proleg. pag. CXXXI.

См. в Опис. слав. рук. Син. Б-ки , отд. 1 , стр. 163—176.

Текст и дела по исправлению хранятся в 23 картонах № № 4207 — 4319, по старому каталогу. Для мест, предполагавших нужду исправлений, в особых графах писаны тексты кодексов «Римского, Александрийского, Алдийского, Комилютенского, Оксонианского и Коттонианского» , в некоторых случаях исправители имели в виду польские переводы и чешскую Библию. Труды Елисаветинских исправителей ожидают еще обстоятельного описания.

Книга Премудрости Иисуса сына Сирахова , в русском переводе с кратким объяснением, Спб. 1859. — Ограничиваясь в настоящем случае извещением о выходе этой книги, мы намерены рассмотреть ее в одной из ближайших книжек «православного обозрения».